

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД

Рассказ начинается Уолтер Хартрайт (учитель рисования из Клементс-Инна)

I

Это история о том, до чего может простираться терпение женщины, и о том, чего может достигнуть мужчина при твердой решимости.

Если бы при разбирательстве любого подозрительного случая закон подвергался лишь умеренному влиянию всемогущего золота, то события, наполняющие эти страницы, привлекли бы внимание широкой публики уже во время судебного разбирательства.

Однако в некоторых, даже самых очевидных, делах правосудие до сих пор еще остается верным слугой туго набитого кошелька; подобный-то случай и будет впервые рассказан на этих страницах. Так же как эту историю мог бы услышать судья, ее сейчас услышит читатель. Все сколько-нибудь важные обстоятельства этой истории, от ее начала до конца, будут переданы со слов очевидцев. Когда пишущему эти вступительные строки (Уолтеру Хартрайту) придется играть в описываемых событиях более важную роль, нежели другим, он расскажет о них сам. Когда же речь пойдет о том, чему он не был свидетелем, он откажется от звания рассказчика и уступит свое место тем, кто был лично знаком с обстоятельствами и кто продолжит его повествование так же ясно и правдиво, с того самого момента, на котором остановится Уолтер Хартрайт.

Таким образом, эту историю будут писать несколько человек, подобно тому как в суде картину преступления

воссоздает не один, а несколько свидетелей; в обоих случаях это делается с одной целью, дабы представить истину наиболее точно и обстоятельно и проследить течение событий в целом, предоставляя слово людям, принимавшим в них непосредственное участие, дабы они сами в точности описали то, свидетелями чему они стали.

Первым выслушаем Уолтера Хартрайта, учителя рисования, двадцати восьми лет.

II

Был последний день июля. Продолжительное жаркое лето приближалось к концу, и мы, усталые пилигримы лондонских мостовых, начинали подумывать о спасительных облаках, дарующих тень над деревенскими просторами, и об осенних ветрах на морском берегу.

Что касается моей скромной персоны, то уходящее лето оставляло меня в плохом состоянии здоровья, не слишком хорошем расположении духа и, по правде сказать, почти без денег. В течение года я не так осторожно, как обычно, распоряжался своим заработком; вследствие такой расточительности мне предстояла грустная перспектива проводить осень экономно: то в коттедже моей матери в Хэмпстеде, то в моей собственной комнате в Лондоне.

Помнится, вечер был тихий и облачный; удушливый воздух опускался на улицы; отдаленный шум улиц стихал; все слабеющий в моем теле пульс и биение сердца огромного города, казалось, звучали в унисон, становясь все тише и тише по мере того, как заходило солнце. Я оторвался от книги, над которой больше мечтал, нежели читал ее, и вышел из моей комнаты подышать прохладным ночным воздухом пригородов. Это был один из двух вечеров, которые я обычно каждую неделю проводил с моей матерью и сестрой. Таким образом, я направил свои стопы на север, по направлению к Хэмпстеду.

Происшествия, о которых я буду рассказывать, ставят меня перед необходимостью упомянуть здесь, что отец мой умер за несколько лет до описываемых событий и что из пятерых детей его в живых оставались только я и моя сестра Сара. Отец был учителем рисования. Своими стараниями он достиг большого успеха в профессии. Неусыпно заботясь о том, чтобы обеспечить будущность тех, чье существование зависело от его трудов, он тотчас же после женитьбы застраховал собственную жизнь на весьма значительную сумму, употребив на это гораздо большую часть своего дохода, чем это делают обычно. Благодаря удивительному благоразумию и самоотверженности отца моя мать и сестра остались после его смерти в таком же независимом положении, в каком находились и при его жизни. Я наследовал уроки отца после его смерти и был крайне признателен за открытую им передо мной перспективу в жизни.

Тихий сумрачный свет еще трепетал на живых изгородях, а Лондон потонул в темной бездне хмурой ночи, когда я остановился перед калиткой матушкиного коттеджа. Не успел я позвонить, как дверь распахнулась и передо мной, вместо служанки появился мой достойный друг, итальянец, профессор Песка. Он весело встретил меня, громко выкрикивая нечто, что лишь отчасти походило на английское приветствие.

Собственно, личность профессора сама по себе заслуживает того, чтобы я представил его читателям. К тому же волею случая с него началась та таинственная семейная история, которой будут посвящены следующие страницы.

Я познакомился с моим другом в одном из богатых домов, где он давал уроки своего родного языка, а я — рисования. Из истории его жизни мне было известно только то, что некогда он преподавал в Падуанском университете, потом оставил Италию по политическим причинам (сути которых никому не хотел объяснять) и что вот уже много лет он живет в Лондоне, преподавая иностранные языки.

Не будучи в настоящем смысле слова карликом — поскольку он был прекрасно сложен с головы до ног, — Песка был, по-моему, самым крошечным человеческим существом, какого только мне доводилось видеть в жизни. Однако среди прочих людей в большей степени он выделялся не своей примечательной внешностью, а безвредной эксцентричностью характера. Главная цель его жизни состояла, кажется, в том, чтобы выразить свою признательность стране, которая предоставила ему убежище и средства к существованию, ради чего он прилагал все силы, чтобы стать настоящим англичанином. Он не довольствовался тем, что из уважения к английской нации постоянно носил с собой зонтик и ходил в гамашах и цилиндре. Профессор изо всех сил стремился не только выглядеть англичанином, но и усвоить все исконно английские обычаи и развлечения. Полагая, что мы как нация отличаемся особой любовью к атлетическим упражнениям, маленький человечек, с присущей его сердцу наивностью, страстно увлекался всеми чисто английскими спортивными забавами, твердо убежденный, что он может постичь их одним усилием воли точно так же, как он приспособился к нашим национальным гамашам и цилиндрам.

Мне доводилось видеть, как профессор слепо рисковал своими конечностями на охоте на лисиц и на поле для крикета; а вскоре после этого я стал свидетелем того, как он столь же слепо рисковал своей жизнью на море в Брайтоне.

Мы встретились там случайно и отправились купаться вместе. Если бы мы занялись каким-нибудь чисто английским спортом, я, разумеется, должен был бы присмотреть за Пеской, но так как иностранцы обычно чувствуют себя в воде не хуже нас, англичан, то мне и в голову не пришло, что для Пески искусство плавания служило дополнением к длинному списку упражнений, которым профессор, по его мнению, мог обучиться экспромтом, по наитию. Вскоре после того, как мы оба от-

плыли от берега, я остановился, заметив, что мой приятель отстал, и обернулся взглянуть на него. К моему ужасу и удивлению, я не увидел между мной и берегом ничего, кроме двух маленьких белых рук, которые с минуту барахтались на поверхности воды, а потом исчезли из виду. Когда я нырнул, чтобы вытащить Песку, бедняжка лежал меж камней на дне, свернувшись в комочек, отчего казался еще более крошечным, чем всегда. Понадобилось несколько минут, чтобы вытащить его; воздух оживил профессора, и с моей помощью он смог взойти на ступени кабинки машины. Вместе с жизнью к нему снова вернулась его бредовая идея относительно плавания. Едва стучащие зубы позволили ему заговорить, он неопределенно улыбнулся и заявил, что, вероятно, у него случились судороги.

Придя в себя совершенно, он присоединился ко мне на берегу, искусственная английская сдержанность в одно мгновение уступила место его страстному южному темпераменту. В самых восторженных выражениях Песка снова и снова благодарил меня за спасение; страстно, в склонной к преувеличениям итальянской манере он восклицал, что отныне отдает в мое распоряжение всю свою жизнь, объявлял, что не будет счастлив до тех пор, пока не найдет случая доказать мне свою признательность услугой, которую я, в свою очередь, запомню до конца моих дней.

Я всеми силами старался остановить поток его слез и уверений, настойчиво представляя это приключение не более чем предметом для шутки; наконец мне, повидимому, удалось несколько охладить в нем чувство признательности. Не думал я тогда, как не думал и после, когда наши веселые каникулы подходили к концу, что случай оказать мне услугу, случай, которого так страстно жаждал мой признательный товарищ, скоро наступит; что он с жаром ухватится за него и что, поступив таким образом, он повернет весь поток моей жизни в новое русло, а меня самого изменит до неузнаваемости.

Случилось именно так. Если бы я не нырнул, чтобы вытащить профессора Песку, когда он лежал под водой на своем каменном ложе, я, по всей вероятности, никогда не участвовал бы в истории, описываемой на этих страницах, и, может статься, никогда не услышал бы даже имени женщины, которой отныне посвящены все мои помыслы, которая завладела всей моей энергией, сделалась единственным руководящим началом, управляющим всей моей жизнью.

III

По выражению лица и поведению Пески, встретившего меня на пороге матушкиного коттеджа, я сразу понял, что случилось нечто необыкновенное. Однако просить у него немедленного объяснения было совершенно бесполезно. Пока он тащил меня за обе руки в комнату, я мог только предполагать, что, зная мои привычки, он пришел в коттедж, дабы встретиться со мной в этот вечер и сообщить мне какие-то чрезвычайно приятные новости.

Мы вбежали в гостиную самым бесцеремонным, шумным образом. Матушка сидела у открытого окна и смеялась, обмахиваясь веером. Песка был ее любимцем, и она снисходительно смотрела на все его сумасбродства. Дорогая матушка! С первой минуты, когда ей стало известно, как глубоко и признательно Песка привязан к ее сыну, она раскрыла для маленького профессора свое сердце и принимала все его непонятные чужеземные выходки за нечто само собой разумеющееся, не пытаясь постигнуть их смысла.

Сестра моя Сара, несмотря на все преимущества юности, была — и это довольно странно — не так стоворчива. Она отдавала должное превосходным душевным качествам Пески, но не могла принять его целиком, безусловно, как это делала матушка. Чисто английские представления Сары о приличиях пробуждали в ней не-

годование против врожденного презрения Пески к этим приличиям, она всегда, более или менее явно, выказывала свое удивление матушкиной снисходительностью по отношению к эксцентричному маленькому иностранцу. По моим наблюдениям, впрочем, не только моя сестра, но и другие представители нового поколения совсем не так радушны и доброжелательны, как наши старики. Мне часто доводилось видеть, как старые люди были взволнованы, радостно предвкушая какое-нибудь невинное удовольствие, в то время как оно несколько не трогало их бесстрастных внуков. Желал бы я знать, такие же ли мы теперь, искренние юноши и девушки, какими были наши отцы и матери в свое время? Не слишком ли больших успехов достигло воспитание? Не слишком ли хорошо мы нынче воспитаны?

Не решаясь ответить на эти вопросы однозначно, я могу, по крайней мере, сказать, что в те минуты, когда я видел мою мать и сестру в обществе Пески, матушка мне казалась гораздо моложе моей сестры. Так и на этот раз: в то время как матушка искренне хохотала над нашим мальчишеским вторжением в гостиную, Сара угрюмо подбирала осколки чашки, опрокинутой профессором со стола, когда он стремглав бросился встречать меня.

— Не знаю, что и случилось бы, Уолтер, если бы ты промедлил долее, — сказала матушка. — Песка чуть с ума не сошел от нетерпения, а я — от любопытства. Профессор принес какие-то удивительные новости, которые касаются тебя, и, вообрази, был так жесток, что не хотел сообщить их нам до тех пор, пока не появится его друг Уолтер.

— Какая досада! Сервиз теперь испорчен! — прошептала про себя Сара, грустно разглядывая осколки разбитой чашки.

В это время Песка, не отдавая себе отчета в совершенном проступке, выдвинул большое кресло на середину комнаты, дабы предстать перед нами настоящим

оратором, обращаясь с речью к публике. Развернув кресло к нам спинкой, он вскарабкался на него и с этой импровизированной кафедры обратился к нам со следующими словами:

— Ну, мои добрые, дорогие друзья, — (он всегда говорил «мои добрые, дорогие друзья», когда хотел сказать «мои бесценные друзья»), — слушайте меня. Настало время... Я объявляю мое приятное известие... Я наконец могу говорить.

— Слушайте, слушайте! — вскричала матушка, подхватывая шутку своего любимца.

— Ну вот, теперь он разломает спинку нашего лучшего кресла, мама, — шепнула Сара.

— Я вернусь в прошлое, чтобы оттуда вновь обратиться к благороднейшему из существ, — продолжал Песка, яростно указывая из-за спинки кресла на мою недостойную персону. — Кто нашел меня мертвым на дне морском (по милости судорог)? Кто вытащил меня из воды? И что я сказал, когда снова возвратился к жизни и моей одежде?

— Гораздо более, нежели было нужно, — отвечал я как можно угрюмее, потому что малейшее поощрение в подобных случаях неизбежно вызывало у разволновавшегося профессора потоки слез.

— Я сказал, — настаивал Песка, — что отныне моя жизнь принадлежит моему дорогому другу Уолтеру, — так оно и есть. Я сказал, что я не буду счастлив до тех пор, пока мне не выпадет случай сделать для Уолтера что-нибудь хорошее, — и действительно, я не мог обрести покой до нынешнего блаженного дня. Сегодня, — воскликнул восторженный маленький человечек пронзительным голосом, — избыток счастья вырывается из каждой поры моего тела, потому что, клянусь моей верой, душой, честью, обещание мое наконец исполнено, и вот, что я еще имею сказать: «Все-все хорошо!» Среди знатных лондонских домов, где я преподаю мой родной язык, — без всякого предисловия начал профессор свое

долго откладываемое объяснение, — есть один в высшей степени знатный, на площади Портленд. Вы все знаете, где это! Да, да, разумеется! В прекрасном доме, мои милые друзья, живет прекрасное семейство. Мама́ — толстая и красивая, три дочки — толстые и красивые, два сына — толстых и красивых, и папа́ — самый толстый и красивый из всех, богатый купец, купающийся в своих миллионах. Некогда он слыл красавцем, но так как теперь у него лысина и двойной подбородок, то он уже более красавцем называться не может. Теперь слушайте! Я учу молодых девиц понимать великого Данте. И, помилуй меня Господь, нет слов, чтобы выразить, как труден великий Данте для этих трех хорошеньких головок! Но это ничего, все придет в свое время; чем больше уроков, тем лучше для меня. Теперь слушайте! Представьте себе, что сегодня я занимаюсь с барышнями, как обычно. Мы все четверо спустились в ад Данте. В седьмом кругу — впрочем, для трех толстых и красивых барышень все круги равны! — мои ученицы завязли, а я, чтобы помочь им выбраться, объясняю, рассказываю, выхожу из себя от бесполезного энтузиазма, как вдруг в передней раздается скрип сапог и входит Золотой папа́, богатый купец с лысиной и двойным подбородком. Ну вот, мои милые друзья, я ближе к сути моего рассказа, чем вы думаете! Осталась ли у вас еще хоть капля терпения, или вы уже сказали про себя: «Черт побери, неужели Песка сегодня не закончит!»

Мы заявили, что нам очень интересно.

Профессор продолжил:

— Золотой папа́ держал в руке письмо; извинившись, что помешал нам в нашей адской обители из-за простого земного дела, он обратился к трем барышням и начал, как вы, англичане, начинаете все ваши разговоры, громким «О!». «О мои милые! — сказал богатый купец. — Я получил сегодня письмо от моего друга мистера...» Имя выскользнуло у меня из памяти, но не беда: мы еще вернемся к нему, да-да, именно! Итак, папа́ ска-

зал: «Я получил письмо от моего друга мистера такогото... Он просит меня рекомендовать учителя рисования к нему в имение». Господи помилуй! Когда я услышал эти слова, я готов был броситься на шею к Золотому папá, если бы только я был повыше и мог до нее достать, чтобы прижать его к своей груди крепко и признательно, но я только подпрыгнул на своем стуле. Я сидел как на иголках, душа моя горела и рвалась, мне хотелось заговорить, но я прикусил язык и дал папá закончить. «Быть может, вы знаете, — сказал этот богач, помахивая письмом своего друга, — быть может, вы знаете, мои милые, какого-нибудь учителя рисования, которого я мог бы рекомендовать?» Барышни переглянулись между собой, а потом ответили с неизменным «О!» в начале: «О нет, папá! Но вот мистер Песка...» Услышав свое имя, я уже не мог больше сдерживаться — мысль о вас, мои дорогие, заполонила все мое сознание, — я вскочил со стула как ужаленный и обратился к богатому купцу, как настоящий англичанин: «Дорогой сэ, я знаю такого человека! Отличнейшего учителя рисования, другого такого не сыскать в целом свете! Рекомендуйте его с сегодняшней же почтой, а завтра, с утренним поездом, отправьте и его самого, со всеми его пожитками». (Ха! Еще один чисто английский оборот!) «Постойте, постойте! — сказал папá. — Иностранец он или англичанин?» — «Англичанин до кончиков ногтей», — ответил я. «Порядочный человек?» — спросил папá. «Сэр, — сказал я (потому что последний вопрос оскорбил меня и я прекратил с богачом дружественный тон), — сэ, бессмертный огонь гениальности горит в груди этого англичанина, но что еще важнее, он горел и в груди его отца!» — «Пустяки, — сказал этот Золотой варвар-папá, — нам нет дела до его гениальности, мистер Песка. В нашей стране мы не нуждаемся в гениальности, если только она не идет рука об руку с порядочностью, а когда это случается именно так, мы рады, очень рады, право! Может ваш друг представить рекомендательные письма, которые свидетельствовали

бы в его пользу?» Я небрежно махнул рукой и воскликнул: «Рекомендательные письма? Господи помилуй, ну конечно! Целые тома рекомендательных писем, если вам угодно!» — «Одного или двух будет вполне достаточно, — сказал этот флегматичный богач. — Пусть пришлет их мне, указав свое имя и адрес. Пойдите, пойдите, мистер Песка, возьмите записку об условиях работы — о том, что он должен будет делать... Продолжайте урок, мистер Песка, а я дам вам необходимую выписку из письма моего друга». И вот обладатель товаров и денег берется за перо, чернила и бумагу, в то время как я со своими тремя ученицами вновь погружаюсь в Дантов ад. Через десять минут выписка готова, и скрип сапог папá стихает в отдалении. С этого момента, клянусь моей верой, душой и честью, я позабыл обо всем! Блаженная мысль о том, что я наконец дождался случая и могу услужить моему дражайшему другу, вскружила голову и опьянила меня. Как я вытащил трех барышень и самого себя из адской обители, как провел потом другие свои занятия, как проглотил свой скромный обед — обо всем этом я знаю не более, чем человек с Луны. Для меня довольно и того, что я здесь, перед вами, с запиской богатого купца в руках, необъятный, как жизнь, горячий, как огонь, и счастливый, как король! Ха-ха-ха! Прекрасно! Прекрасно!

Тут профессор замахал над головой запиской об условиях и закончил свой длинный и многосложный рассказ пронзительной итальянской пародией на английское радостное «ура».

Едва он замолчал, матушка встала со своего места, с разгоревшимися щеками и блестящими глазами. Она с жаром схватила профессора за обе руки и произнесла:

— Мой милый, добрый Песка, я никогда не сомневалась в вашей истинной привязанности к Уолтеру, но теперь убедилась в ней еще больше, чем прежде.

— Мы очень обязаны профессору за Уолтера, — добавила Сара.

С этими словами она привсталала, словно намереваясь в свою очередь подойти к креслу Пески; но, увидев, что Песка с восхищением целует руки моей матушки, приняла серьезный вид и снова села на свое место. «Если этот фамильярный человек таким образом ведет себя с матушкой, как же он будет вести себя со мной?» Иногда на человеческих лицах отражаются самые сокровенные мысли. Несомненно, Сара думала именно так, когда сидела.

Хотя я и был признателен Песке за его старания оказать мне услугу, меня не очень обрадовала неожиданно открывшаяся перспектива. Когда профессор перестал целовать руки матушки, я горячо поблагодарил его и попросил позволения взглянуть на условия, которые его уважаемый патрон записал для меня.

Песка торжественно вручил мне бумагу.

— Читайте! — воскликнул маленький человек, принимая величественный вид. — Уверяю вас, друг мой, что записка Золотого папа́ говорит сама за себя.

Условия были изложены откровенным и весьма доступным образом.

Меня уведомляли: во-первых, что Фредерик Фэрли, эсквайр, из Лиммеридж-Хауса в Камберленде, желает иметь искусного учителя рисования сроком на четыре месяца. Во-вторых, что обязанности, которые учитель должен взять на себя, будут двоякого рода: обучать двух молодых леди искусству писать акварели, а в свободное время приводить в порядок ценную коллекцию рисунков, находящуюся в настоящий момент в крайнем небрежении. В-третьих, что жалованье человеку, который возьмется должным образом исполнить вменяемые ему обязанности, — четыре гинеи в неделю; что он должен жить в Лиммеридж-Хаусе и что с ним будут обращаться как с джентльменом. В-четвертых и в последних, что претендовать на это место может лишь тот, кто в состоянии представить самые подробные рекомендации в отношении своей личности и профессиональных знаний.

Рекомендательные письма должны быть отосланы другу мистера Фэрли в Лондон, который уполномочен заключить договор. Записку завершали имя и адрес купца, в доме которого Песка давал уроки.

Безусловно, это было очень соблазнительное предложение. Работа, по-видимому, обещала быть легкой и приятной; к тому же мне предлагали ее на осень, а в это время года я был обычно наименее занят; да и вознаграждение, насколько я мог судить по собственному опыту, отличалось удивительной щедростью. Я понимал все это; я понимал, что я должен радоваться, если мне удастся получить это место. Однако, едва прочитав условия, я почувствовал какое-то необъяснимое нежелание браться за эту работу. Никогда прежде я не испытывал такого мучительного и необъяснимого разлада между моим долгом и моими желаниями.

— О Уолтер, твоему отцу никогда не выпадала такая удача! — сказала матушка, в свою очередь прочитав записку с условиями и вернув ее мне.

— Лестно познакомиться с такими знатными людьми, — заметила Сара, выпрямившись на стуле, — да еще быть с ними на равной ноге!

— Да-да, условия во всех отношениях довольно заманчивы, — перебил я ее нетерпеливо, — но прежде чем я отправлю рекомендации, я хочу все обдумать...

— «Обдумать!» — воскликнула матушка. — Уолтер, что с тобой?

— «Обдумать!» — эхом вторила матушке сестра. — Какие странные вещи ты говоришь, когда предлагаются такие условия!

— «Обдумать!» — подхватил профессор. — Что здесь обдумывать? Отвечайте мне! Разве вы не жаловались на плохое самочувствие и не мечтали подышать деревенским воздухом? Ну?! В ваших руках бумага, предлагающая вам это удовольствие на целых четыре месяца. Не так ли? Кроме того, вам нужны деньги. Ну?! Разве четыре гиней в неделю ничего не значат? Господи помилуй!

Дайте их мне, и мои сапоги заскрипят так же, как у Золотого папá, который подавляет всех своим богатством. Четыре гиней в неделю, и к тому же очаровательное общество двух молодых леди! Более того, вы получаете постель, завтраки, ужины, великолепные английские чаепития и ленчи и пенящееся пиво — и все это даром! Ну же, Уолтер, мой добрый, милый друг, какого черта, первый раз в жизни я не могу надивиться на вас!

Но ни искреннее недоумение матушки, вызванное моим поведением, ни пылкое перечисление Пески всех предлагаемых мне благ не могли поколебать моего странного нежелания ехать в Лиммеридж. Все изложенные мной доводы против поездки в Камберленд, какие только могли прийти мне в голову, к моему великому огорчению, были отвергнуты, тогда я упомянул о последнем препятствии, спросив, что станется с моими учениками из Лондона, пока я буду учить молодых девиц мистера Фэрли рисовать с натуры. На это мне возразили, что бóльшая часть учеников на осень разъедется, а тех немногих, кто останется в городе, я вполне могу поручить одному из своих коллег, чьих учеников я однажды брал на попечение при подобных же обстоятельствах. Сестра напомнила мне, что он предлагал свою помощь на случай, если бы мне нынче вздумалось уехать из Лондона. Матушка уговаривала меня не вредить из пустого каприза моим собственным интересам и здоровью, а Песка жалобно молил, чтобы я не огорчал его отказом от услуги, которую он предлагает своему другу, спасшему ему жизнь, в качестве благодарности.

Искренняя любовь и привязанность, стоявшие за этими уговорами, тронули бы любого, в ком живо еще сердце. Я устыдился своего необъяснимого предубеждения, хоть и не мог побороть его, и мирно закончил спор, пообещав сделать все, чего от меня ожидали.

Остаток вечера прошел довольно весело в многочисленных предположениях насчет моей будущей жизни с двумя молодыми девушками в Камберленде. Песка,

вдохновленный нашим национальным грогом, который, по-видимому, самым чудесным образом бросился ему в голову, предъявил свои права на то, чтобы его считали настоящим англичанином; один за другим он произносил спичи и провозглашал тосты за здоровье моей матери, здоровье моей сестры, мое здоровье, а также здоровье мистера Фэрли вкупе со здоровьем двух молодых леди, причем тут же восторженно благодарил самого себя от лица всех нас.

— Скажу вам по секрету, Уолтер, — заявил мой маленький друг, когда мы возвращались вместе домой, — я в восторге от своего красноречия. Мою душу переполняет честолюбие. Наступит день, и я вступлю в ваш парламент. Стать достопочтенным Пеской, членом парламента, — вот мечта всей моей жизни!

На следующее утро я послал рекомендательные письма патрону Пески на Портленд-Плейс. Прошло три дня, и я уже было решил, в душе испытывая удовольствие, что мои рекомендации оказались недостаточными. Однако на четвертый день я получил письмо, в котором сообщалось, что мистер Фэрли принимает мои услуги и просит меня немедленно выехать в Камберленд. Все подробности относительно моего путешествия были заботливо объяснены в постскриптуме.

С большой неохотой я собрал вещи, чтобы рано утром на следующий день покинуть Лондон. Ближе к вечеру, по дороге в гости, ко мне зашел попрощаться Песка.

— В ваше отсутствие, — весело сказал профессор, — я буду утешаться мыслью, что именно с моей легкой руки ваша карьера пошла в гору. Поезжайте, мой друг! Когда ваше солнце засияет в Камберленде, ради бога, не упускайте случая: женитесь на одной из двух молодых девиц, получите в наследство тучные земли Фэрли и сделайте достопочтенным Хартрайтом, членом парламента, а когда окажетесь на самой вершине, вспомните, что все это сделал Песка там, внизу!

Я попытался рассмеяться над прощальной шуткой моего маленького друга, но тщетно. Отчего-то в груди у меня болезненно щемило, пока профессор произносил свое напутствие.

Все было готово к отъезду, осталось только пойти в хэмпстедский коттедж проститься с матушкой и Сарой.

IV

Весь день нас мучил изнуряющий зной, и даже к ночи жара ничуть не спала.

Матушка и сестра так много хотели сказать мне на прощание, столько раз просили меня остаться еще на пять минут, что было уже около полуночи, когда слуга затворил за мной калитку сада. Я сделал несколько шагов по кратчайшей дороге в Лондон и остановился в нерешительности.

Полная яркая луна плыла по темному беззвездному небу; холмистая местность, поросшая вереском, в таинственном свете луны казалась дикой, словно я находился за сотню миль от большого города. Мысль вскоре вернуться в жаркий и мрачный Лондон вызывала у меня отвращение. Перспектива ночевать в комнате, лишенной воздуха, представлялась в моем тревожном расположении духа и тела тем же, что сознательно согласиться на постепенное удушение. Я решил пройтись по свежему воздуху, для чего выбрал самый дальний путь в Лондон через продуваемую легким ветерком вересковую пустошь, с тем чтобы вернуться в город со стороны его наиболее открытого предместья по финчлейской дороге и по утренней прохладе пробраться к себе домой, на западную сторону Риджентс-парка.

Я медленно шел через холмистую пустошь, наслаждаясь торжественной тишиной природы и любясь мягкими переливами лунного света и теней по обе стороны от меня. Пока я проходил по первой и самой красивой части моей ночной прогулки, душа моя бессозна-

тельно воспринимала впечатления, которые производила на меня природа, я ни о чем не думал, решительно ни о чем.

Однако стоило мне свернуть на проселочную дорогу, где было менее красиво, как в голове моей мелькнула мысль о приближавшейся перемене в моих привычках и занятиях, и эта мысль мало-помалу захватила меня целиком. Когда я дошел до конца дороги, я был уже полностью поглощен радужными мечтами о Лиммеридже, мистере Фэрли и двух молодых леди, чьим наставником я вскоре стану.

Я остановился на перекрестке, отсюда четыре дороги расходились в разные стороны: в Хэмпстед, откуда я шел, в Финчли, в Вест-Энд и в Лондон. Я машинально свернул на последнюю и зашагал по пустынной дороге, беспечно размышляя, насколько мне припоминается, какими предстанут моим глазам камберлендские леди, как вдруг кровь в моих жилах застыла от прикосновения чей-то руки, легко и внезапно коснувшейся моего плеча.

Я резко обернулся, крепче сжимая в руке трость.

Передо мной, возникшая словно из ниоткуда, в полном одиночестве стояла женщина, с ног до головы одетая во все белое. На ее обращенном ко мне лице застыл вопрос, в то время как рукой женщина указывала на мрачное облако, нависшее над Лондоном. Неожиданность, с какой это необыкновенное существо очутилось передо мной ночью и в таком пустынном месте, до того испугала меня, что я не мог проронить ни слова. Странная женщина заговорила первой.

— Это дорога в Лондон? — спросила она.

Я внимательно поглядел на нее, когда она задала мне этот вопрос. Было около часа ночи. Лунное сияние позволило мне ясно различить только бледное, молодое, изможденное лицо незнакомки, ее большие печальные, пристально смотревшие на меня глаза, нервные, трепетавшие губы и белокурые волосы светло-каштанового

оттенка. В ее поведении не было ничего грубого или неприличного: она была тиха и сдержанна, немного грустна и немного настороженна. Манерами она не походила на знатную даму, но в то же время ее нельзя было назвать простолюдинкой. Ее голос, хотя я слышал его так мало, звучал изумительно ровно и как-то механически, говорила она очень быстро. В руке незнакомка держала небольшую сумочку; ее одежда — шляпка, шаль и платье — были из белой и, по всей вероятности, не из самой дорогой ткани. Она была несколько выше обыкновенного роста, тонка и стройна; походка и движения ее не отличались никакой особенностью. Вот все, что я мог заметить при тусклом свете луны, еще не придя в себя от ошеломляющих обстоятельств нашей встречи. Кто была эта женщина и как очутилась она одна на большой дороге в час ночи, я решительно не мог догадаться. Я был уверен лишь в том, что никто не увидел бы в ее вопросе, даже заданном в столь поздний час и в столь подозрительном месте, дурных намерений.

— Вы слышите? — проговорила она спокойно и быстро, без малейшей тревоги или нетерпения. — Я спросила вас, это дорога в Лондон?

— Да, — ответил я, — эта дорога ведет к Сент-Джонс-Вуду и к Риджентс-парку. Извините, что я не ответил вам сразу. Меня чрезвычайно изумило ваше внезапное появления на дороге, даже теперь я все еще не могу объяснить его себе.

— Вы не подозреваете меня в чем-нибудь дурном, нет? Я не сделала ничего плохого. Со мной случилось кое-что. И мне очень неприятно, что я здесь одна в такое позднее время. Почему вы подозреваете меня в чем-то дурном?

Она говорила с необыкновенной серьезностью и волнением и даже отступила от меня на несколько шагов. Я поспешил успокоить ее.

— Пожалуйста, не думайте, что я подозреваю вас, — сказал я. — Напротив, я хотел бы помочь вам, если это в моих силах. Просто я удивился, увидев вас на дороге,

ведь за минуту до вашего появления она казалась мне пустой.

Незнакомка обернулась и указала мне на пролом в изгороди там, где соединялись лондонская и хэмпстедская дороги.

— Я услышала ваши шаги, — сказала она, — и притаилась посмотреть, что вы за человек, прежде чем решиться заговорить с вами. Меня терзали сомнение и страх, пока вы не прошли мимо, а потом уже мне не оставалось ничего другого, как побежать за вами следом и дотронуться до вас.

«Побежать следом и дотронуться до меня»? Почему же не окликнуть? Странно, если не сказать более!

— Могу я довериться вам? — спросила незнакомка. — Ведь вы не думаете обо мне ничего худого, оттого что со мной случилось кое-что неприятное?..

Она замолчала в замешательстве, переложила сумочку из одной руки в другую и горько вздохнула.

Одинокость и беспомощность этой женщины тронули меня. Естественное побуждение помочь ей преодолело во мне здравый смысл, осторожность и светский такт, которые человек опытнее, благоразумнее и хладнокровнее меня непременно призвал бы к себе на помощь при таких странных обстоятельствах.

— Вы можете довериться мне целиком и полностью, — ответил я. — Если вам неприятно объяснять мне, почему вы оказались здесь, не возвращайтесь к этому предмету. Я не имею права требовать от вас объяснений. Скажите, чем я могу вам помочь, и я помогу, если это будет зависеть от меня.

— Вы очень добры, и я очень-очень рада, что встретила с вами. — (Впервые я услышал нечто похожее на женскую нежность в голосе незнакомки, но в ее больших, устремленных на меня глазах не блеснула ни одна слезинка.) — Я была в Лондоне лишь однажды, — продолжала она все быстрее и быстрее, — и совсем не знаю дороги к нему с этой стороны. Можно ли нанять пролетку или какой-нибудь другой экипаж? Или уже слыш-

ком поздно? Я не знаю... Если бы вы могли указать мне, где я могу нанять карету, но обещайте не удерживать меня, когда я захочу оставить вас... В Лондоне у меня есть приятельница, которая будет рада принять меня... Больше мне ничего не нужно... Вы обещаете? — Незнакомка тревожно посмотрела на дорогу, снова переложила сумочку из одной руки в другую и повторила, устремив на меня взгляд, полный мольбы и отчаяния: — Вы обещаете? — Ее слова глубоко взволновали меня.

Что мне было делать? Передо мной стояла незнакомка, взывающая к моему состраданию, и эта незнакомка была в отчаянном положении. Поблизости ни дома, ни человека, с кем я мог бы посоветоваться, и притом никакое право на свете не давало мне власти над ней, если бы даже я знал, как употребить эту власть. Я пишу эти строки, не вполне доверяя самому себе: последующие события мрачной тенью ложатся на бумагу, на которой я пишу; но все-таки я повторяю: что мне было делать?

Я стал расспрашивать незнакомку, чтобы попытаться выиграть время.

— Уверены ли вы, что ваша приятельница в Лондоне примет вас в такой поздний час? — спросил я.

— Совершенно уверена. Но обещайте же, что вы позволите мне оставить вас, когда я того захочу, и не станете удерживать меня. Обещаете?

Повторив эти слова в третий раз, незнакомка подошла ко мне и с мягкой настойчивостью положила свою руку мне на грудь. Я отвел ее и почувствовал, что эта рука была холодна, даже в такую жаркую ночь. Не забудьте, я был молод, а рука, дотронувшаяся до меня, была рукой женщины.

— Вы обещаете? — повторила свой вопрос незнакомка.

— Да.

Одно слово! Такое короткое и такое привычное, срывающееся с губ любого человека ежечасно! О! Я и теперь еще дрожу, когда пишу эти строки.

Мы направились к Лондону, мы шли вместе в этот первый тихий час нового дня — я и эта женщина, чье имя, характер, прошлое, будущие намерения, даже само присутствие ее здесь, в эту минуту, были для меня непроницаемой тайной. Все происходящее казалось сном. Я ли это? Та ли это известная всем, ничем не примечательная дорога, по которой по воскресеньям прогуливается столько людей? Действительно ли не прошло и часа, как я покинул такой спокойный и такой уютный коттедж моей матушки? Я был слишком потрясен, душу бередило нечто похожее на упрек совести, несколько минут я никак не мог заговорить с моей странной спутницей.

И снова она первой прервала царившее между нами молчание.

— Я хочу спросить вас, — сказала она неожиданно, — у вас много знакомых в Лондоне?

— Да, много.

— Много знатных и титулованных людей?

В тоне, каким был задан этот странный вопрос, слышались недоверчивость и подозрение.

— Да, я знаком с некоторыми из них, — ответил я после минутного молчания.

— А много... — осеклась вдруг незнакомка и взглянула мне прямо в лицо, — много среди них баронетов?

Слишком удивленный, чтобы отвечать, я поинтересовался в свою очередь:

— Почему вы спрашиваете меня об этом?

— Видите ли, ради собственного спокойствия я надеюсь, что есть один баронет, которого вы не знаете.

— Вы скажете, как его зовут?

— Не могу... не смею... я забылась, когда упомянула о нем.

Незнакомка произнесла последние слова громко, гневно вскинула свою сжатую в кулак руку и вспльчиво погрозила ею небу, но вдруг справилась со своим волнением и уже шепотом добавила:

— Скажите, с кем из них вы знакомы?

Я не мог отказать ей в такой безделице и назвал три имени, два из которых принадлежали отцам моих учениц, а одно — холостяку, который как-то взял меня в плавание на свою яхту, чтобы я делал для него зарисовки.

— Вы его не знаете, — сказала она со вздохом облегчения. — А сами вы знатный человек?

— Если бы. Я всего-навсего учитель рисования.

Когда этот ответ, прозвучавший, быть может, с некоторой горечью, сорвался с моих губ, незнакомка схватила меня за руку с порывистостью, свойственной всем ее движениям.

— Не знатный... — прошептала она почти про себя. — И слава богу! Я могу довериться ему.

До сих пор я старался сдерживать свое любопытство из уважения к моей спутнице, но теперь оно пересилило меня.

— Видимо, у вас есть серьезные причины жаловаться на какого-то знатного человека, — сказал я. — Я опасаюсь, что баронет, имя которого вы не желаете называть, нанес вам серьезное оскорбление. Не это ли причина, по которой вы здесь в такое позднее время?

— Не спрашивайте ни о чем, не заставляйте меня говорить об этом, — ответила незнакомка. — Я не в состоянии... Со мной поступили ужасно, меня жестоко обидели. Вы добры, но будьте еще добрее, пойдёмте поскорее, и, пожалуйста, не говорите со мной. Мне очень хочется молчать... Мне очень хочется успокоиться... насколько это возможно...

Мы быстрыми шагами продвигались вперед, и по крайней мере в течение получаса никто из нас не проронил ни слова. Время от времени, так как мне было запрещено вступать в расспросы, я украдкой смотрел на незнакомку. Ее лицо сохраняло прежнее выражение: губы были крепко сжаты, лоб нахмурен, взгляд, напряженный и в то же время рассеянный, устремлен вдаль. Когда мы дошли наконец до первых домов, черты ее разгладились и она снова заговорила:

— Вы живете в Лондоне?

— Да, — ответил я, и вдруг мне пришло в голову, что незнакомка, быть может, намеревалась обратиться ко мне в будущем за помощью или советом и что, дабы избежать ее возможного разочарования, мне следовало предупредить ее о моем скором отъезде. Поэтому я добавил: — Но завтра я уезжаю из Лондона на некоторое время. Я еду в провинцию.

— Куда? — спросила она. — На север или на юг?

— На север, в Камберленд.

— В Камберленд, — повторила она с нежностью. — Я бы тоже хотела поехать туда. Когда-то я была очень счастлива в Камберленде.

Я снова попытался приподнять завесу, разделявшую нас.

— Вы, по всей видимости, родились в прекрасном озерном крае? — спросил я.

— Нет, — ответила она, — я родилась в Хэмпшире, но некоторое время провела в школе в Камберленде. Озера? Я не припоминаю никаких озер. А вот деревушку Лиммеридж и Лиммеридж-Хаус я бы очень хотела увидеть снова.

Теперь настал мой черед застыть как вкопанному. Случайное упоминание поместья мистера Фэрли в сложившихся обстоятельствах потрясло меня до глубины души.

— Вам показалось, нас кто-то окликнул? — спросила незнакомка, с испугом оглянувшись на дорогу в ту минуту, как я остановился.

— Нет-нет! Просто я был поражен тем, что вы называли Лиммеридж-Хаус... Впервые я услышал о нем от моих камберлендских знакомых всего несколько дней назад.

— Я их, конечно, не знаю... Ах, миссис Фэрли умерла, муж ее тоже умер, а дочь их, вероятно, вышла замуж и уехала из Лиммериджа. Я не знаю, кто теперь живет там. Если в замке еще остался кто-нибудь из этой семьи, я буду любить их в память о миссис Фэрли.

Казалось, незнакомка хотела еще что-то сказать, но тут мы подошли к заставе на Авеню-Роуд. Она еще сильнее сжала мою руку и с беспокойством поглядела на ворота.

— Сторож у ворот? — спросила она.

Его, однако же, не было, никого не было, нам не встретилась ни одна живая душа, когда мы миновали ворота. Вид газовых ламп и рожков как будто взволновал незнакомку и привел в нетерпение.

— Вот и Лондон, — сказала она. — Не видите ли вы поблизости какой-нибудь экипаж, который я могла бы нанять? Я устала и напугана. Я хочу сесть в карету и уехать.

Я объяснил ей, что нам надо дойти до стоянки кебов, впрочем, быть может, нам повезет встретить по пути пустой экипаж, потом я попробовал продолжить разговор о Камберленде, но тщетно. Мысль о возможности спрятаться в кебе и уехать отсюда подальше целиком овладела незнакомкой. Ни о чем другом она не могла ни думать, ни говорить.

Не прошли мы и трети пути по Авеню-Роуд, как я увидел кеб, остановившийся у дома, в нескольких шагах от нас, на противоположной стороне улицы. Из него вышел мужчина. Я окликнул кебмена, когда тот вновь залезал на козлы. Нетерпение моей спутницы увеличилось до такой степени, что она почти заставила меня бежать через дорогу бегом.

— Уже так поздно, — сказала она, — я тороплюсь только потому, что уже так поздно...

— Я могу взять вас, сэр, только если вы едете к Тоттенхему, — вежливо сказал извозчик, когда я открывал дверцу кеба. — Моя лошадь устала до смерти и может добежать только до своей конюшни.

— Да-да! Я еду в ту сторону... именно в ту сторону, — быстро проговорила незнакомка, задыхаясь от нетерпения, и торопливо села в кабриолет.

Я удостоверился, что извозчик был столь же трезв, сколь вежлив, и, посадив мою спутницу в кеб, попросил у нее позволения проводить ее.

— Нет-нет-нет! — возразила она с горячностью. — Теперь я в совершенной безопасности и совершенно счастлива. Если вы благородный человек, то вспомните ваше обещание. Велите кебмену ехать, пока я не остановлю его. Благодарю вас, о, благодарю, благодарю!

Рука моя лежала на дверце кеба. Незнакомка схватила ее и поцеловала. В ту же секунду кеб тронулся с места; я смотрел ему вслед с какой-то неопределенной мыслью остановить экипаж, сам не знаю зачем. Боясь испугать и огорчить незнакомку, я наконец окликнул кебмена, но не настолько громко, чтобы привлечь его внимание. Стук колес вскоре стих; кеб слился в одно с темными тенями улицы — женщина в белом исчезла.

Прошло минут десять. Я продолжал свой путь по той же улице, я то машинально делал несколько шагов вперед, то снова рассеянно останавливался. То я сомневался в реальности происшедшего, то чувствовал какое-то недоумение и тревогу при мысли о том, что поступил дурно, хотя не имел ни малейшего представления, как в данной ситуации следовало бы поступить правильно. Я почти не сознавал, куда иду и что собираюсь делать; мысли в моей голове мешались. Неожиданно я пришел в себя, можно сказать, очнулся от забытья, заслышав у себя за спиной стук колес быстро приближавшегося экипажа.

Все это время я двигался по темной стороне улицы и сейчас оглянулся, оставаясь скрытым густой тенью каких-то садовых деревьев. По противоположной, освещенной стороне по направлению к Риджентс-парку шел полисмен.

Открытая коляска проехала мимо меня; в ней сидели двое мужчин.

— Стой! — закричал вдруг один из них. — Вот полисмен. Спросим его.

Лошадь остановилась в нескольких шагах от того места, где я стоял в темноте.

— Полисмен, — крикнул тот же мужчина, — вы не видели, не проходила ли здесь женщина?

— Какая из себя, сэр?

— В платье цвета лаванды...

— Нет-нет, — перебил его второй. — Платье, которое мы дали ей, лежало на постели. Должно быть, она ушла в том платье, в каком приехала к нам. В белом, полисмен. Женщина в белом.

— Я не видел ее, сэр.

— Если вы или кто другой увидит эту женщину, задержите ее и доставьте под надежной охраной по этому адресу. Я оплачу все издержки да в придачу дам еще хорошее вознаграждение.

Полисмен посмотрел на протянутую карточку:

— Но почему мы должны задержать ее, сэр? Что она сделала?

— «Сделала»?! Она убежала из сумасшедшего дома. Не забудьте: женщина в белом. Едем!

V

«Убежала из сумасшедшего дома»!

Не могу сказать, что ужасное известие, заключавшееся в этих словах, было для меня полной неожиданностью. Станные вопросы женщины в белом, последовавшие за моим опрометчивым обещанием предоставить ей свободу действовать по своему разумению, давали мне повод прийти к заключению, что либо она по природе ветрена и неуравновешенна, либо какое-нибудь тяжелое потрясение расстроило ее умственные способности. Однако, признаюсь, мысль о полной потере рассудка, которая обычно возникает в нашем сознании при упоминании о сумасшедшем доме, не приходила мне в голову. Ни в речи, ни в поступках незнакомки я не заметил ничего такого, что подтверждало бы эту мысль, и даже слова незнакомца, обращенные к полисмену, от-

части пролившие свет на положение этой женщины, не убедили меня в обратном.

Что же я сделал? Помог убежать из заключения жертве самого ужасного из всех преступлений или снова ввел в общество несчастное существо в то время, как моим долгом было бы водворить ее обратно в сумасшедший дом. Сердце болезненно сжималось в груди от этого вопроса, а совесть мучила меня из-за того, что я задал его себе слишком поздно.

Нечего было и думать ложиться спать в таком тревожном расположении духа, когда я наконец вернулся в свою квартиру. Через несколько часов я должен был отправиться в Камберленд. Я сел и попробовал сначала рисовать, потом читать, но женщина в белом стояла между мной и моим карандашом, между мной и моей книгой. Не попала ли она снова в беду? Такова была моя первая мысль, хотя я эгоистически избегал ее. За этой мыслью последовали другие, менее тревожные. Где она велела остановиться кебмену? Что с ней теперь? Не нагнали ли ее преследователи? По-прежнему ли она в состоянии управлять своими поступками? И не движемся ли мы оба по нашим разошедшимся в разные стороны дорогам к одному и тому же пункту в таинственном будущем, где наши пути вновь пересекутся?

С облегчением я встретил час, когда настала пора запереть за собой дверь, проститься с Лондоном, с моими лондонскими учениками и моими лондонскими друзьями и двинуться навстречу новым интересам и новой жизни. Даже шум и вокзальная суматоха, обычно такие скучные и надоедливые, были мне приятны.

В постскриптуме письма говорилось, что мне следует отправиться в Карлайл, где я должен буду пересесть на поезд, идущий в сторону побережья. К несчастью, где-то между Ланкастером и Карлайлом наш паровоз сломался. Из-за этой поломки я опоздал на пересадку. Следующего поезда мне пришлось дожидаться несколько часов, и, когда наконец я вышел из вагона на ближайшей к Лиммериджу станции, был уже одиннадцатый час

ночи. В крошечной темноте я с трудом разглядел небольшую карету, присланную за мной мистером Фэрли.

Мой поздний приезд, очевидно, расстроил кучера. Он пребывал в столь свойственном английским слугам состоянии высокопочтительной угрюмости. Карета медленно продвигалась вперед. Дорога была плохая, а густой мрак ночи еще сильнее затруднял езду по ней. Прошло более полутора часов с момента нашего отъезда со станции, прежде чем откуда-то издалека до меня донесся шум морского прибоя и я услышал мягкое шуршание колес по мелкому гравию. Мы проехали одни ворота, потом вторые и остановились перед домом. Меня с торжественным видом встретил слуга, уже успевший снять свою ливрею; он уведомил меня, что господа легли спать, и проводил в большую роскошную комнату, где меня ожидал приготовленный ужин.

Я слишком устал, чтобы много есть или пить; особенно смущал меня торжественный вид слуги, прислуживавшего мне так же внимательно, как будто за столом сидел не я один, а целое общество. Через четверть часа я был готов идти в отведенную для меня спальню. Слуга проводил меня в очень приятно обставленную комнату, сообщил, что завтрак будет подан в девять, а затем, удостоверившись, что все в порядке, бесшумно удалился.

«Что я увижу сегодня во сне? — подумал я, задувая свечу. — Женщину в белом или неизвестных обитательниц камберлендского замка?»

Так странно было ночевать под этим кровом как другу семейства и не знать никого из его обитателей даже в лицо!

VI

Когда на следующее утро я проснулся и поднял штору, передо мной предстало море, весело искрящееся под ярким августовским солнцем, и далекий берег Шотландии, таявший на горизонте в голубой дымке.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД

Рассказ начинается Уолтер Хартрайт	5
Рассказ продолжает Винсент Гилмор	140
Рассказ продолжает Мэриан Холкомб	182

ВТОРОЙ ПЕРИОД

Рассказ продолжает Мэриан Холкомб	224
Рассказ продолжает Фредерик Фэрли	397
Рассказ продолжает Элиза Майклсон	422
Рассказ продолжают разные лица	
1. Свидетельство Эстер Пинхорн	476
2. Свидетельство доктора	484
3. Свидетельство Джейн Гулд	484
4. Надпись на надгробном памятнике	485
5. Свидетельство Уолтера Хартрайта	485

ТРЕТИЙ ПЕРИОД

Рассказ продолжает Уолтер Хартрайт	492
Рассказ продолжает миссис Кэтерик	637
Рассказ продолжает Уолтер Хартрайт	653
Рассказ продолжает Исидор Оттавио Балдассар Фоско	727
Рассказ продолжает Уолтер Хартрайт	746